

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 180—199.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 180—199.

Обзор

УДК 94(4).08

EDN <https://elibrary.ru/advlhn>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.12

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

ВАРИАТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИКОВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД МОНОГРАФИЕЙ И. Э. МАГАДЕЕВА «В ТЕНИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДИЛЕММЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1920-Е ГОДЫ»

Василий Львович Черноперов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

vlchernoper-ov@rambler.ru, SPIN-код: 5277-4946,

<https://orcid.org/0000-0001-5887-7807>

Аннотация. В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и победоносного завершения Второй мировой войны многие люди невольно задаются вопросом — а были ли шансы избежать страшной мировой бойни? Были ли варианты иного развития? В поисках ответа взоры обращаются к 1920-м — началу 1930-х гг., т. е. к тому времени, когда сформировалась и получила развитие Версальская система международных отношений. Именно этому периоду посвящен объемный фолиант «В тени

Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы» доцента Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ Искандра Эдуардовича Магадеева.

У данного труда много особенностей, начиная с методологии, которая отличается некоторой эклектичностью. Но именно эта теоретическая и методическая пестрота, по нашему мнению, и делает возможным решение вопросов, которые И. Э. Магадеев ставит в своей монографии. Его работа, с одной стороны, традиционна. Например, в ней обозначены изъяны Версальской (и Вашингтонской) системы международных отношений, которые объективно вели к новой войне. С другой стороны, она по-настоящему новационная. Прежде всего, обращением к Локарнской системе, которая представляла собой модификацию Версальской системы международных отношений, попытку ее эволюционного развития и, следовательно, альтернативу скатыванию мира ко Второй мировой войне.

Еще одна поучительная линия монографии Магадеева — рассмотрение места и роли конкретных людей в международных процессах. Прежде всего, политиков и военных.

Труд И. Э. Магадеева позволяет выйти на обновленное (уточненное) определение «международных отношений» и, несомненно, будет еще неоднократно обсуждаться научным сообществом.

Ключевые слова: И. Э. Магадеев, монография, Версальская система международных отношений, Локарнская система, модификация, интеллектуалы, ответственность, вариативность мирового развития

Для цитирования: Черноперов В. Л. Вариативность развития международных отношений и ответственность политиков: размышления над монографией И. Э. Магадеева «В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы» // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 180—199.

Обзор подготовлен в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025 —03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России»

**VARIABILITY OF INTERNATIONAL RELATIONS
DEVELOPMENT AND RESPONSIBILITY
OF POLITICIANS: REFLECTIONS ON THE
MONOGRAPH BY I. E. MAGADEEV
“IN THE SHADOW OF THE FIRST WORLD WAR:
DILEMMAS OF THE EUROPEAN SECURITY
IN THE 1920s”**

Vasily L. Chernoperov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
vlchernoperov@rambler.ru, SPIN-код: 5277-4946,
<https://orcid.org/0000-0001-5887-7807>

Abstract. In the year of the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War and the victorious end of the Second World War, many people involuntarily ask themselves: were there chances to avoid the terrible world slaughter? Were there any other options? In search of an answer, our gaze turns to the 1920s — early 1930s, i. e. to the time when the Versailles system of international relations was formed and developed. It is to this period that the voluminous tome “In the shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s” by Associate Professor of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Iskander Eduardovich Magadeev is devoted. This work has many features, starting with the methodology, which is somewhat eclectic. But it is precisely this theoretical and methodological diversity, in our opinion, that makes it possible to resolve the issues that I. E. Magadeev poses in his monograph. His work, on the one hand, is traditional. For example, it identifies the flaws of the Versailles (and Washington) system of international relations, which objectively led to a new war. On the other hand, it is truly innovative, first of all, by referring to the Locarno system, which was a modification of the Versailles system of international relations, an attempt at its evolutionary development and, therefore, an alternative to the world sliding towards World War II.

Another instructive line of Magadeev's monograph is the consideration of the place and role of specific people in international processes, first of all, politicians and the military.

The work by I. E. Magadeev allows us to come to an updated (refined) definition of “international relations” and, undoubtedly, will be repeatedly discussed by the scientific community.

Keywords: I. E. Magadeev, monograph, Versailles system of international relations, Locarno system, modification, intellectuals, responsibility, variability of world development

For citation: Chernoperov, V. L. (2025), 'Variability of the development of international relations and the responsibility of politicians: reflections on the monograph by I. E. Magadeev "In the shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s"', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 180—199 (in Russ.).

The review article was prepared within the framework of the technical assignment for the implementation of research work commissioned by Ivanovo State University No. 2025 — 03 "Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia"

2025 год — год для нашей страны особый — это год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и победоносного завершения Второй мировой войны. Но это также год Памяти о страшной жертве, принесенной народами Советского Союза, правопреемником которого является Российская Федерация. Более 27 миллионов граждан СССР отдали самое дорогое, что у них есть, — свои жизни — для разгрома гитлеровской Германии и союзных ей стран, включая милитаристскую Японию¹. Вспоминая эту страшную цену Победы, невольно задумываешься над вопросами: была ли альтернатива недопущению войны, имелась ли возможность развития международных отношений после окончания Великой войны 1914—1918 гг. в рамках мирно-пацифистской парадигмы, была ли Вторая мировая война фатально неизбежна? Эти мучительные вопросы в очередной раз возникают по прочтении монографии «В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы» [Магадеев, 2021a]. Автором этого объемного (864 страницы) фолианта является доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (университета) МИДа РФ Искандэр Эдуардович Магадеев. Имя этого исследователя хорошо известно как специалистам, которые занимаются международными проблемами (см., напр.: [Его же, 2021b; 2022; 2024]), так и тем, кто изучает

¹ Минобороны уточнило потери СССР в Великой Отечественной войне // Interfax.RU. 2011. 13 нояб. URL: <https://web.archive.org/web/20220202034354/https://www.interfax.ru/russia/479070> (дата обращения: 22.08.2023).

вопросы интеллектуальной истории и интеллигентоведения (см., напр.: [Его же, 2023a; 2023b]).

Монографию И. Э. Магадеева «В тени Первой мировой войны...» выпустило в свет издательство «Аспект Пресс» в 2021 г. Книга вобрала, пожалуй, большую часть известной к 20-м годам XXI в. отечественной и зарубежной историографии и уже получила положительные отклики российских специалистов [Сидоров, 2021; Романова, 2022]. Представляемый обзор не является, строго говоря, очередной рецензией. Это размышления, порожденные прочтением труда И. Магадеева.

При чтении книги обращает на себя внимание решение автором вопросов методологии и понятийного аппарата — прежде всего, во введении [Магадеев, 2021a: 14—24] и первой главе монографии [Там же: 70—71, 111, 117—125, 127—128]. По словам самого Магадеева, в основание методологии положены концепции «из смежных гуманитарных дисциплин: истории, политологии, в меньшей степени — социологии», учитывающие различные направления исторических исследований и наработки в теории международных отношений [Там же: 12]. Такой подход выглядит эклектичным, но, по нашему мнению, вполне оправдан, по меньшей мере, по двум причинам.

Во-первых, в силу избранной И. Магадеевым темы исследования. Проблемы европейской безопасности и международных отношений межвоенного периода многогранны, что априори при создании единого исторического полотна требует объединения трудносоединяемого. Например, взглядов на системность международных отношений отечественных и зарубежных исследователей, реалистического подхода, основанного на таких базовых понятиях, как «международные отношения», «государственный интерес», «великие державы» и т. д., с конструктивистскими или либеральными наработками в области «культуры национальной безопасности».

Вторым оправданием методологической пестроты, избранной Магадеевым, является именно ее эклектичность. По нашему мнению, лишь такой подход, который предусматривает при рассмотрении проблемы ее расчленение на многие аспекты, каждый из которых изучается с использованием несовпадающих теорий и научного инструментария, позволяет создать объемную синтетическую картину прошлого. Правда, нам для полноты картины не хватило методологий и методик, характерных для геополитических и биографических исследований. Ведь их использование позволяет вывести на новый уровень осмысления содержания

базового понятия «международные отношения». Поясним свою позицию.

В трактовке геополитики нам наиболее близко ее расширительное толкование, идущее от К. С. Гаджиева, Э. А. Позднякова и Ю. В. Тихонравова, которые видят в ней область знаний, комплексно изучающих географические, исторические, политические, экономические, демографические и иные факторы (см., напр.: [Поздняков, 1995: 42; Гаджиев, 2000: 7; Тихонравов, 2000: 18]). В вопросе же усиления биографической составляющей мы исходим из научного подхода, предполагающего одновременное воссоздание личностной истории и истории через личность [Репина, 2005: 12].

Добавление геополитической и усиление биографической составляющей могло бы удачно объединиться с тремя уровнями взаимосвязи, положенными Магадеевым в основание своего труда: 1) «между системными и внутренними факторами», 2) «действиями отдельных акторов (индивидов, социальных групп, государств и др.)» [Магадеев, 2021а: 17], которые руководствовались своими представлениями [Там же: 125—126]) и 3) психологическими особенностями людей-акторов и утвердившимися в их представлениях стереотипами [Там же: 126—127].

Соединение подходов и связей, отмеченных выше, позволяет выйти на новое (или уточненное) определение понятия «международные отношения»: *Международные отношения — это совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических, военных связей (общений и сношений) и обоюдных отношений между народами, между государствами и системами государств, между основными социальными, экономическими и политическими силами и организациями, которые действуют на международной арене. Определяющую роль в международных отношениях играют объективно существующие геополитические стратегии, корректируемые субъективными устремлениями социальных, религиозных или национальных групп, классов общества или личностей в их совокупности или в отдельности, что в итоге порождает вариантность путей развития.*

Как нам представляется, И. Э. Магадеев исходит именно из такого понимания природы международных отношений, начиная с первой главы, в которой акцентируется внимание на двух взаимосвязанных положениях, играющих ведущую роль в определении «международные отношения», предлагаемом нами. С одной стороны, — опора на фундаментальные факторы мощи (экономические, географические, демографические, масштаб территорий и природные

ресурсы), которые объективны, с другой — на субъективных, часто сиюминутных сторонах процесса, что в итоге постоянно порождает вариативность развития.

Предпосылки к вариативности просматриваются уже в вопросе о поражении Германии в Первой мировой войне. С одной стороны, здесь вроде бы всё понятно — именно Германия 11 ноября 1918 г. подписала под диктовку Антанты Компьенское перемирие. С другой стороны, германские войска на момент окончания войны удерживали значительные территории на востоке бывшей Российской империи, ее армия и флот не были разбиты, и союзники не прошли парадом победителей по проспектам Берлина. Даже Версальский договор (по которому Германия теряла территории, на нее возлагались репарационные и иные обязательства, ущемлявшие ее суверенитет), подписанный на Парижской конференции в 1919 г. и вступивший в силу 10 января 1920 г., не выглядел абсолютным поражением. Геополитическое положение страны даже в чем-то усилилось. Действительно, если до Первой мировой войны на востоке и юго-востоке Второй рейх был ограничен в действиях такими мощными образованиями, как Австро-Венгрия и Россия, то после 1919 г. эти империи заменили Литва, Польша и Чехословакия, каждая из которых была слабее Веймарской республики в экономическом и военно-мобилизационном отношении. К тому же в каждой из этих стран, а также в Румынии и Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС; с 1929 г. — королевстве Югославия), в силу выборочного применения победителями «права наций на самоопределение», появились большие национальные меньшинства [Там же: 152]. Наличие этого «разделения», как вслед за А. М. Фоминым подмечает И. Э. Магадеев, создавало «многочисленные очаги скрытой напряженности», разрядить которые Лига Наций — этот главный институт мониторинга и регулирования мировых процессов, созданный после Великой войны, — была не в силах [Там же].

Одной из самых разделенных наций Европы оказались немцы, и они стремились к воссоединению с Германией. Ситуацию, как справедливо отмечает Магадеев, усугубляли еще два обстоятельства: 1) разделение единого германского пространства «Польским коридором» на основной массив немецких земель и Восточную Пруссию [Там же: 153] и 2) сохранение в Австрии популярной идеи о единой Германии [Там же: 152].

Веймарская республика учитывала проблему «разделенных немцев» и с момента вступления в Лигу Наций в 1926 г. и

укрепления своего экономического положения стала регулярно поднимать эту тему на разных площадках и использовать ее в качестве инструмента для решения международных вопросов и давления на Чехословакию, Польшу, Литву и другие страны [Там же: 152, 598, 628, 641, 669—670].

Сюжеты, разрабатываемые Магадеевым, заставляют в контексте геополитики обратить внимание на большевистскую Россию — страну, у которой были не только глобальные планы «мировой революции», но и более приземленные — «счеты» с Польшей после болезненного Рижского мира 1921 г. и, отчасти, со странами Прибалтики.

Сложившаяся ситуация априори делала страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, по терминологии профессора Сорбоннского университета, политолога Жана Готтмана, «приливно-отливными» территориями, вопрос о поглощении которых большими сильными соседями (усиливавшимися Германией и Советской Россией / СССР) рано или поздно должен был вновь возникнуть. Ситуацию для государств «приливно-отливной зоны» усугубляло то обстоятельство, что руководители Москвы и влиятельные силы в Берлине (военные, политики правых партий и связанные с ними «капитаны» германской промышленности), не желавшие признавать Версальскую систему международных отношений, достаточно рано начали взаимодействовать над изменением сложившееся миропорядка. Причем и большевики, и германские сторонники сотрудничества с Москвой в объяснении необходимости совместной работы проявляли удивительную изворотливость. Пропагандисты советского государства применительно к Германии ввели термин «промышленная колония», что позволяло борьбу немцев против Версальской системы рассматривать как национально-освободительную, а значит — идейно близкую коммунистической идее [Черноперов, 2006b: 51—52]. Немцы же заявляли о России как естественном экономическом партнере Германии. Кстати, эту мысль поддерживали те большевики, кто ядро мировой революции видел в союзе сельскохозяйственной и богатой сырьем России («серпа») и промышленно развитой Германии («молота») [Там же: 52—53].

В свете вышесказанного закономерен вопрос: считало ли большинство немцев в 1918, 1919 и даже 1920-х гг., что они были разбиты в Великой войне? В предлагаемых ответах нам наиболее близка точка зрения тех авторов, отмеченных И. Э. Магадеевым (С. Жаннесон, М. Берг, Н. В. Павлов), которые указывали, что для

массы немцев и германской элиты осознание поражения в Первой мировой войне произошло только по итогам разрешения Рурского кризиса 1923 г. [Там же: 350].

В книге Магадеева немало страниц посвящено тому, как Антанта пыталась отстоять сложившийся миропорядок. Особенно им проработана позиция Франции, которая при решении европейских дел определенное время ставку делала на мощь своих вооруженных сил, требование полного разоружения Веймарской республики как потенциального врага [Магадеев, 2021а: 75, 149, 201—202, 236, 317, 319 и др.] и систему союзов с государствами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы — Малую Антанту [Там же: 84, 89, 91, 229—234]. Последняя, согласно планам Парижа, была призвана решить две основные задачи: 1) окружить Германию с запада и востока, устранив на корню ее надежды военного реванша; 2) создать «санитарный кордон» (фр. *cordon sanitaire*) между нею и Советской Россией / Советским Союзом и тем самым минимизировать исходящие из Москвы угрозы распространения идей большевизма [Там же: 84, 91, 158—159, 213—216].

В книге Магадеева показаны многие изъяны в проекте победителей по сохранению Версальской системы безопасности. Выделим четыре основных.

Во-первых, союзниками Франции по Малой Антанте выступали Польша, Чехословакия, Румыния и КСХС, о слабости которых говорилось выше. К тому же, как точно замечает Магадеев, сама система союзов, «формировавшаяся и эволюционировавшая на протяжении всех 1920-х гг., на деле оставалась весьма рыхлой, а ее потенциальная эффективность резко сократилась после Локарнских соглашений 1925 г.» [Там же: 92]. Эту «рыхлость» Магадеев оттеняет двумя фактами: 1) «договоры Франции с Польшей (1921) и Чехословакией (1924) не были “жесткими военно-политическими союзами”, содержащими обязательства по оказанию немедленной военной помощи»; 2) изменение позиции Парижа, который в стремлении экономически и политически сблизиться с Берлином и получить от Лондона гарантии безопасности своих западных границ начал после 1925 г. отдалялся от Варшавы и Праги [Там же: 533, 652].

Вторым изъяном, отмеченным в работе Магадеева, относительно сохранения Версальской системы было отсутствие единой линии в политике всех мировых акторов. Соединенные Штаты сразу после Парижской мирной конференции 1919 г., на которой были очерчены основные параметры послевоенного мироустройства, стали отходить от активного включения в военно-политические дела

Европы. Их внимание всё более концентрировалось на Латинской Америке и Тихоокеанском регионе [Там же: 505, 742—744]. В Европе повышенный интерес США сохранялся только в финансово-экономической сфере (от возвращения выданных кредитов до увеличения экспорта американских товаров) [Там же: 79, 107, 160, 202—204, 327—328, 347, 348, 507, 511—512 и др.]. Правда, полностью списывать американскую включенность в дела Европы не следует. Более того, значение «фактора США» в межвоенном развитии Европы возрастет многократно (и даже претендует на решающую роль), если рассматривать развитие Версальской системы сквозь призму репарационной проблемы и ее решения.

Помимо военно-политической отчужденности США, от участия в большой политике Европы долгое время оставались отстраненными побежденная Германия и большевистская Россия. Сил же только Франции и Великобритании для поддержания миропорядка и безопасности в рамках Версальской системы явно не хватало. К тому же отношения между этими странами в 1920-е — 1930-е гг., несмотря на постоянно декларируемую солидарность и наличие органов межгосударственного взаимодействия (Верховный совет Антанты, Конференция послов, Союзный военный совет в Версале, Репарационная комиссия и др.), развивались отнюдь не безоблачно. Как отмечено в работе Магадеева, Париж и Лондон в межвоенное время разделяли многие вопросы (военно-политическое противостояние, колониальные противоречия, экономическая конкуренция, масштабы наказания Германии, несовпадение политических курсов в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе и т. д.) [Там же: 75, 83—86, 93, 103—105, 106, 156—157, 168, 171—173 и др.]. Барьерами становились также сохранявшиеся стереотипы. Так, дипломаты и политики Англии «во внутренней переписке» и «правительственных дискуссиях» нередко называли французов представителями «латинской расы», для которой характерны «формализм, импульсивность и юридическое крючкотворство», видели в них людей с расстроенным «психическим здоровьем» и преувеличенными страхами [Там же: 127].

Совокупность причин, мешавших коммуницированию Франции и Великобритании в 1920-е — 1930-е гг., вела к тому, что диалог между ними постоянно варьировался от сотрудничества к соперничеству. Причем иногда разногласия Парижа и Лондона обострялись настолько, что у некоторых наблюдателей создавалось впечатление о неизбежности военного столкновения между ними [Там же: 323]. И не только между ними. Как отмечено в книге Магадеева, в 1920-е —

1930-е гг. существенные противоречия наблюдались также между Великобританией, США, Японией и Италией, т. е. ведущими странами-победительницами в Первой мировой войне [Там же: 78, 87, 234—235, 241—252, 339—340 и др.]. Ситуацию еще более усугубляло то обстоятельство, что англичане, вслед за американцами, как отмечено в монографии, с определенного момента стали также самоизолироваться от дел континентальной Европы [Там же: 511—512].

В книге Магадеева с интересом читаются страницы, на которых показано, как советские политики, дипломаты и военные, внимательно отслеживая развитие межгосударственных разломов у коллективного Запада [Там же: 78, 86—87], пытались содействовать их углублению и использовать в своих интересах. Например, во время Генуэзской конференции [Там же: 198, 199—200], Рурского кризиса 1923 г. [Там же: 335] или после него [Там же: 381—385, 441—442, 452—453, 465—467, 477—478, 526—527, 601—615 и др.].

Третий изъян в планах победителей по сохранению Версальской системы, который можно вывести из труда Магадеева, — это неравномерность экономического развития побежденных и победителей. Проигравшая войну Германия, к тому же лишенная колоний и выплачивающая репарации, сумела сохранить свои экономические (в том числе военно-экономические) мощности [Там же: 100—101]. Более того, постоянно модернизируя свою экономику и эффективно используя внешние, прежде всего, американские кредиты, добилась больших успехов [Там же: 102, 106, 149]. Согласно данным, приведенным в книге Магадеева, с 1924 по 1929 гг. прирост промышленности Германии составлял в среднем 7,9 %, а экономики в целом — 4 % [Там же: 773]. Экономические успехи позволили ей нарастить экспорт и начать вытеснять с континентальных рынков США и Великобританию [Там же: 498].

Достижения германского народного хозяйства, как хорошо показал Магадеев, контрастировали с тем, что имелось в Третьей республике и Великобритании. Экономика Франции, хотя и демонстрировала в 1921—1924 гг. средние темпы прироста в 9,5 %, с трудом восстанавливала людские и материальные потери, понесенные в Великой войне [Там же: 75—76, 354]. Еще одной проблемой (настающим дамочным мечом) для Парижа стали долговые обязательства перед Вашингтоном и Лондоном, что те неоднократно использовали для давления на французов [см., напр.: там же: 330—331, 352, 578—579]. Что касается Великобритании, то ее ежегодные темпы прироста с 1925 по 1929 гг. не превышали 2 % [Там же: 497].

Четвертый изъян в стремлении Франции и Великобритании удержать систему безопасности в Европе в рамках договоров Парижской мирной конференции 1919 г., который мы находим в книге Магадеева, — слабое военное присутствие этих стран, а также их союзников на территории Германии (оккупирована была лишь небольшая западная часть страны). Крайне мало вооруженных формирований французов и англичан было также в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе. В монографии Магадеева такое положение объясняется многими причинами. В том числе, нехваткой солдат и офицеров для выполнения боевых миссий на обширных пространствах, а также нежеланием военно-служащих (и даже политических элит) после Компьенского перемирия воевать [Там же: 153—154, 157—158].

В целом, факты, приводимые Магадеевым, показывают, что мир, выстроенный в Версале, стал лишь «перемирием на 20 лет» (слова, приписываемые маршалу Ф. Фошу). От себя добавим, хотя И. Э. Магадеев вслед за А. Д. Богатуровым разграничивает Версальскую и Вашингтонскую системы международных отношений [Там же: 19], изъяны, которые мы выделили выше, угрожали не каждой из этих систем в отдельности, а всему миропорядку, выстроенному на Парижской и Вашингтонской конференциях 1919—1922 гг.

Были ли иные варианты развития или исторические альтернативы? Вопрос правомерен не только исходя из нашего понимания природы «международных отношений», но также подхода самого И. Магадеева, который постоянно упоминает о неких «развилках» в мировой истории, т.е. исторических трендах большой протяженности, которые оформлялись в определенные исторические периоды. Всего с 1918 по 1930 гг. в книге Магадеева применительно в проблеме европейской безопасности, как мы поняли из текста, насчитывается две «развилки»: 1) от окончания Первой мировой войны до Рурского кризиса (1918—1923) и 2) от Рурского кризиса до мирового экономического кризиса (1923—1929/30). Заметим, что такая периодизация не выходит за рамки традиционного взгляда на хронологическое деление межвоенной истории. Мы видим новационность подхода Магадеева в следующем. Во-первых, в рассмотрении Локарнского периода как модификации Версальской системы. Во-вторых, в вычленении в периоде 1923—1929/30 гг. четырех реперных точек, каждая из которых при определенных условиях могла перерасти в тренд: 1) 1924 г. — принятие на Лондонской конференции «плана Дауэса» и нового порядка выплаты Германией репараций [Там же: 390—391]; 2) 1925 г. — подписание соглашений в Локарно

[Там же: 426]; 3) 1927 г. — разрыв отношений между СССР и Великобританией [Там же: 574]; 4) 1929 г. — принятие «плана Янга» (или в традиционном написании «плана Юнга») и проведение Гаагской конференции [Там же: 574, 669, 679].

В контексте вопроса о вариантах / альтернативах / развилках исторического развития исследование Магадеева наводит на мысль о возможности мирной эволюции Версальской системы и перерастания ее в нечто приемлемое для всех мировых акторов, что могло бы предотвратить Вторую мировую войну. Шанс на такой вариант развития усиливали пацифистские настроения, которые после Первой мировой войны охватили широкие слои населения — от политиков до рядовых граждан разных стран. Их всех объединяло стремление не допустить новой катастрофы, подобной 1914—1918 гг.

Сдвигам в умонастроениях людей после Великой войны, самой «политике пацифизма», изменениям в позиции ведущих международных акторов, что вылилось сначала в решения Лондонской конференции 1924 г., а затем в подписание Локарнских соглашений 1925 г., в книге Магадеева уделено немало места (см., например: [Там же: 112—114, 371—378, 426—495]). На ее страницах убедительно доказан тезис о том, что Локарнский режим безопасности означал хотя и не ликвидацию Версальской системы как таковой, но все-таки переход ведущих стран Запада от механизма, «закреплявшего привилегированное место победителей в Первой мировой войне» и дискриминацию побежденных, «к системе коллективной выработки политических решений», которая предполагала интегрирование Германии «в европейскую “большую политику”» [Там же: 523—524]. В контексте этих изменений с особым интересом читаются места монографии, на которых говорится о роли в укреплении или ослаблении данной линии конкретных людей, которых мы (при всей условности) можем отнести к интеллектуалам, — посла Великобритании в Германии лорда Эдгара Винсента д’Абернона, министра во многих правительствах и трижды премьер-министра Франции, лидера радикал-социалистов Эдуарда Эррио, дуче фашистской Италии Бенито Муссолини, главнокомандующего войсками Антанты в 1918—1920 гг. и члена Высшего военного совета Франции в 1920—1929 гг. маршала Фердинанда Фоша и т. д. Остается лишь сожалеть о том, что в книге Магадеева отсутствует список упоминаемых в работе людей. Представляется, что его наличие дополнительно подчеркнуло бы масштабность проведенного исследования.

В череде лиц, которыми насыщена (местами, пожалуй, даже перенасыщена) книга Магадеева, наше особое внимание привлекли три фигуры — лауреатов Нобелевской премии мира 1925 и 1926 гг. министра иностранных дел Германии во многих правительствах и рейхсканцлера в кризисном 1923 г. Густава Штреземана, премьер-министра Франции в 11 кабинетах, неоднократно занимавшего также кресло главы МИДа Аристиды Бриана и министра иностранных дел Великобритании в 1924—1929 гг. Джозефа Остина Чемберлена. Изучение их деятельности более чем поучительно. Особенно для реалий современного мира. Ведь Г. Штреземан, А. Бриан и О. Чемберлен — лидеры немцев, французов и англичан, т. е. наций, которые еще недавно безжалостно истребляли друг друга, — вступили в диалог по принципиальному вопросу безопасности и решили его не через диктат одной стороны, а путем нахождения компромиссов. Несомненно, результат, полученный ими на Локарнской конференции, не был идеальным, не решал многие проблемы, начиная с вопроса о восточных границах Германии, но, еще раз подчеркнем, его удалось достичь мирным, а не конфронтационным путем.

В связи с фигурой Штреземана, заметим, что он предстает в книге Магадеева человеком смелым, которому при отстаивании своей позиции пришлось выдержать сопротивление влиятельных сил, включая президента Веймарской республики Пауля фон Гинденбурга [Там же: 490—491, 492—493]. И еще. Материал, приведенный Магадеевым, укрепляет нас в состоятельности оценок политики Г. Штреземана, идущих от диссертации А. И. Петрова, защищенной четверть века назад [Петров, 2000]. Петров, пожалуй, первым из отечественных историков постарался доказать, что штреземановская доктрина «национально-либерального экономического ревизионизма» — это прагматический внешнеполитический курс, который 1) выстраивался на балансировании Германии между СССР и коллективным Западом, 2) связывал пересмотр наиболее тяжелых статей Версальского договора с укреплением доверительных отношений и 3) с логикой взаимных экономических интересов со всеми государствами (в первую очередь, западными).

Помимо Штреземана, в галерее портретов, созданных Магадеевым, отметим Бриана. Этот политик, как показано в книге, пришел к соглашению с Германией в 1924—1925 гг. не только в силу политической или экономической необходимости. Огромное (если не решающее) значение имело его мировидение. Бриан действительно верил в то, что немцы могут принять ценности демократии и превратиться «в другой народ» [Магадеев, 2021а: 108]. Именно это

позволяло ему ставить вопрос о возможности достижения с ними «моральной разрядки» [Там же: 533], а после приема Германии в Лигу Наций в сентябре 1926 г. воскликнуть «Прочь ружья, пулеметы, пушки! Освободим дорогу примирению, арбитражу и миру!» [Там же: 576]. Бриан не изменил своему курсу на взаимодействие с Берлином и позже. Более того, ратовал за расширение пространства взаимопонимания, включая в него СССР. В этом плане показательны его слова, приведенные И. Э. Магадеевым по книге Ж.-А. Суту: «...лишь когда Германия и Франция смогут договориться друг с другом, они преуспеют в урегулировании русских проблем и задач, имеющих в России, не рискуя поставить себя под угрозу» [Там же: 606]. В контексте вышесказанного совершенно логично, что именно Бриан в апреле 1927 г. выступил с инициативой отказа от войны как орудия государственной политики [Там же: 732]. Умонастроения этого политика-интеллектуала полностью соответствовали «духу и эре пацифизма», хотя многие его действия, как показал Магадеев, носили не только абстрактно-миролюбивый, но и прагматичный характер [Там же].

Попытка вовлечения Советского Союза в процесс примирения и взаимодействия в Европе была настоящим переворотом в умах ведущих политиков континента. В этой связи заметим, что в Москве к середине 1920-х гг. также начала укрепляться тенденция, предполагавшая отказ от революционно-алармистских выступлений. Как отмечает Магадеев, первые шаги к этому обозначились еще в январе 1923 г. [Там же: 344—345]. В 1925 г. Москва подкрепила формируемый миролюбивый курс конкретными заявлениями и решениями. [Там же: 536—537]. В связи с новациями в политике СССР остается сожалеть, что Магадеев не обратился к дискуссии в советском руководстве о перспективах внешней политики большевистского государства, которая прошла в конце 1924—начале 1925 гг. [Черноперов, 2006а; 2010; 2024].

В работе Магадеева нарисована объемная картина того, как силам сторонников диалога и укрепления линии на взаимопонимание противостояли политики, военные и иные группы интеллектуалов, не верившие в возможность мирного сожительства с вчерашними врагами. Наиболее ярко это проявлялось у военных. Генерал Шарль Дюпон, возглавлявший французскую военную миссию в Берлине в 1920—1923 гг., например, был убежден в том, что доверительные отношения с немцами невозможны, потому что они как нация никогда не смогут понять и принять ценности демократии [Магадеев, 2021а: 108]. Ему вторил командующий французской армией в Сааре

с 1920 по 1927 г. генерал Жорж Анри Бриссо-Демайе, который в период политики в «духе Локарно» убеждал военную элиту своей страны в «германской военной угрозе» [Там же: 587, 588]. Не доверяли миролюбивой риторике немцев также маршал Ф. Фош и фельдмаршал имперского Генерального штаба Джордж Милн [Там же: 666, 702].

Кстати, как показано в книге Магадеева, германофобия французов была отчасти оправдана. Для большинства военных рейхсвера враги времен Первой мировой войны таковыми остались и после ее окончания, поэтому немцы разрабатывали планы не мирной, а силовой ревизии Версальской системы и втайне усиленно работали над созданием большой и хорошо оснащенной армии [Там же: 705, 706, 717]. Более того, как, например, военный министр в 1932—1933 гг. и последний рейхсканцлер Веймарской республики Курт фон Шлейхер, вынашивали идеи милитаризации всего немецкого общества и государства [Там же: 116].

В Германии, кроме большей части военных, идеи примирения и пацифизма не принимали многие правые и крайне правые политики, а также масса ветеранов. Они резко негативно реагировали на любые попытки коммуникации с вчерашними открытыми врагами. Неприятие их было столь велико, что, как показано Магадеевым, они не останавливались перед критикой кумира всех германских милитаристов П. фон Гинденбурга [Там же: 794].

С точки зрения влияния на массы среди противников коммуникации с бывшими врагами в Веймарской республике выделялись представители «консервативной революции» — идейного течения, которое стало одним из наиболее заметных в стране и сыграло немалую роль в укреплении антиреспубликанских, антизападных и пронацистских настроений в немецком обществе. Магадеев упоминает одного из наиболее ярких его представителей — Эрнста Юнгера. Этот ветеран, писатель, военный теоретик и неординарный мыслитель видел в Версальском договоре порождение отторгаемого им либерализма — «одного из краеугольных камней той цивилизации, “тайный эталон” которой “хранится в Париже”», попытку навязать немцам чуждые ценности, нормы и обязательства [Там же: 116, 794]. Э. Юнгер был убежден, что лишь национальный империализм разрешит не только внешнеполитические, но и внутриполитические вопросы Германии [Там же: 116].

Прочтение книги Магадеева в очередной раз убеждает в важной, подчас определяющей роли отдельных людей в истории. Ведь конец Локарнского курса, который мог стать модификацией

Версальской системы и этапом на пути ее мирной эволюции, был вызван не только объективными причинами, порожденными мировым экономическим кризисом, но и уходом из большой политики в 1929 г. ее творцов О. Чемберлена и А. Бриана и смертью Г. Штресемана [Там же: 794, 795, 799—801]. Причем это совпало с одновременным возвышением А. Гитлера — сторонника полного слома послевоенного миропорядка, чутко улавливавшего желания толпы.

В целом рассмотренная книга И. Э. Магадеева закрывает немало «белых пятен» в истории международных отношений. Но не только в этом ее значение. Она ценна еще и по другим причинам. Во-первых, эта монография доказывает, что в каждом историческом периоде не существует жестко детерминированной предопределенности. Всегда есть варианты / альтернативы / развилки. Работа Магадеева убеждает нас в том, что мир имел шанс избежать Второй мировой войны. Во-вторых, исследование московского ученого еще раз демонстрирует то, что предотвращение военной катастрофы возможно лишь при диалоге, в том числе (или даже, прежде всего) с теми, кому ты не доверяешь и в ком видишь противника. В-третьих, книга Магадеева намечает новые направления исследований. Причем не только по истории международных отношений, но и по интеллектуальной истории и интеллигентоведению.

Список источников

- Гаджиев К. С.* Введение в геополитику: учеб. для студентов вузов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Логос, 2000. 428 с.
- Магадеев И. Э.* В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021a. 864 с.
- Магадеев И. Э.* Первая мировая война и тренды европейской истории XX века. М.: Аспект Пресс, 2021b. 256 с.
- Магадеев И. Э.* Дух Рапалло и европейская политика Франции (апрель-ноябрь 1922 г. // История. Общество. Политика. 2022. № 2 (22). С. 6—15.
- Магадеев И. Э.* «Интеллектуальная демобилизация» во франко-германских отношениях в 1920-е гг.: основные этапы, инструменты реализации, итоги // Интеллигенция и мир. 2023a. № 1. С. 52—78.
- Магадеев И. Э.* Факторы и цели европейской интеграции в оценках французских интеллектуалов-левоцентристов (1920-е годы) // Диалог со временем. 2023b. Вып. 83. С. 134—148.
- Магадеев И. Э.* Роль Чехословакии в развитии советско-французских отношений в период непризнания СССР: взгляд дипломатов и военных Третьей республики (1920—1924) // Славяноведение. 2024. № 1. С. 39—53.

- Петров И. А.* Внешнеполитический курс Густава Штресемана: 1923—1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 215 с.
- Поздняков Э. А.* Геополитика. М.: Прогресс; Культура, [1995]. 93 с.
- Репина Л. П.* Личность и общество, или истории в биографиях (Вместо предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 5—16.
- Романова Е. В.* Рецензия на книгу: Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021. 864 с. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 149—152.
- Сидоров А. Ю.* Послевоенная Европа на перепутье. Формирование и эволюция Версальского и Локарнского режимов безопасности (Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021. 864 с.) // Междунар. процессы. 2021. Т. 19, № 4 (67). С. 192—196.
- Тихонравов Ю. В.* Геополитика: учеб. пособ. для студентов вузов. М.: ИНФРА-М, 2000. 267 с.
- Черноперов В. Л.* Дискуссия ведущих советских дипломатов о перспективах внешней политики СССР в ноябре 1924 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2006а. Серия: Междунар. отношения. Политология. Регионоведение. Вып. 1 (4). С. 116—126.
- Черноперов В. Л.* Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа и подготовка большевиками «германского Октября» в 1923 г.: монограф. Иваново: Иван. гос. ун-т; Н. Новгород: Ин-т стратег. исследов. ННГУ, 2006b. 168 с.
- Черноперов В. Л.* Дискуссия в советском руководстве конца 1924 — начала 1925 гг. о внешней политике СССР // Разрушение и возрождение в истории Германии и России: сб. ст. Междунар. науч. конф., Томск, 23—25 сент. 2009 г. Томск: Томск. гос. ун-т, 2010. С. 344—359. (Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 7).
- Черноперов В. Л.* Дискуссия в большевистском руководстве осенью 1924 — зимой 1925 гг. о международном положении и внешней политике СССР // Германия на переломе эпох (К 50-летию док. ист. наук Артамошина Сергея Викторовича) / под ред. А. В. Сигимбаева. Брянск: РИСО БГУ, 2024. С. 247—283.

References

- Gadzhiev, K. S. (2000), *Vvedenie v geopolitiku: Uchebnik dlia studentov vuzov* [Introduction to Geopolitics: A Textbook for University Students Studying, 2nd ed., supplemented and revised, Logos, Moscow, Russia.
- Magadeev, I. E. (2021a), *V teni Pervoi mirovoi voyny: Dilemmy evropeiskoi bezopasnosti v 1920-e gody* [In the Shadow of the First World War: Dilemmas of European Security in the 1920s.], Aspekt Press, Moscow, Russia.

- Magadeev, I. E. (2021b), *Pervaia mirovaia voina i trendy evropeiskoi istorii XX veka* [The First World War and trends in European history of the twentieth century], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Magadeev, I. E. (2022), 'The Spirit of Rapallo and France's European Policy (April—November 1922)', *Istoriia. Obshchestvo. Politika* [History. Society. Politics], no. 2 (22): 6—15.
- Magadeev, I. E. (2023a), '“Intellectual demobilization” in Franco-German relations in the 1920s: main stages, implementation tools, results', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 52—78,
- Magadeev, I. E. (2023b), 'Factors and goals of European integration in the assessments of French left-of-center intellectuals (1920s), *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], iss. 83: 134—148. Magadeev, I. E. (2024), 'The role of Czechoslovakia in the development of Soviet-French relations during the period of non-recognition of the USSR: the view of diplomats and military men of the Third Republic (1920—1924)', *Slavianovedenie* [Slavic Studies], no. 1: 39—53,
- Petrov, I. A. (2000), *Vneshnepoliticheskii kurs Gustava Shtrezemana: 1923—1929 gg.* [Foreign policy course of Gustav Stresemann: 1923—1929], Ph. D. (History) Thesis, Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova, Moscow, Russia.
- Pozdnyakov, E. A. ([1995]), *Geopolitika* [Geopolitics], Progress; Kul'tura, Moscow, Russia.
- Repina, L. P. (2005), 'Personality and Society, or Stories in Biographies (Instead of a Preface)', in Repina, L. P. (ed.), *Istoriia cherez lichnost': istoricheskaiia biografiia segodnia* [History through Personality: Historical Biography Today], Krug, Moscow, Russia: 5—16.
- Romanova, E. V. (2022), 'Review of the book: Magadeev I. E. In the Shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s. Moscow: Aspect Press, 2021. 864 p., *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovanii. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research, Humanities and Social Sciences], no. 1: 149—152,
- Sidorov, A. Yu. (2021), 'Post-war Europe at a Crossroads. Formation and Evolution of the Versailles and Locarno Security Regimes (Magadeev I. E. In the Shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s. Moscow: Aspekt Press, 2021. 864 p.), *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], vol. 19, no. 4 (67): 192—196.
- Tikhonravov Yu. V. (2000), *Geopolitika: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov* [Geopolitics: A Textbook for University Students], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Chernoperov, V. L. (2006a), 'Discussion of Leading Soviet Diplomats on the Prospects of USSR Foreign Policy in November 1924, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, seriia: Mezhdunarodnye otnosheniia. Politologiya. Regionovedenie* [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, series: International Relations. Political Science. Regional Studies], iss. 1(4): 116—126.

- Chernoperov, V. L. (2006b), *Diplomaticeskaiia deiatel'nost' V. L. Koppa i podgotovka bol'shevikami «germanskogo Oktiabria» v 1923 g.: monografiia* [Diplomatic activities of V. L. Kopp and the preparation of the “German October” by the Bolsheviks in 1923: monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet; Nizhnii Novgorod: Institut strategicheskikh issledovani NNGU, Ivanovo, Russia
- Chernoperov, V. L. (2010), ‘Discussion in the Soviet leadership in late 1924 — early 1925 about the foreign policy of the USSR’, in *Razrushenie i vozrozhdenie v istorii Germanii i Rossii: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Destruction and revival in the history of Germany and Russia: collection of articles from the International Scientific Conference, Tomsk, Russia, 23—25 September 2009, Tomskii gosudarstvennyi universitet, Tomsk: 344—359 (series “German Studies in Siberia”, iss. 7).
- Chernoperov, V. L. (2024), ‘Discussion in the Bolshevik leadership in the fall of 1924 — winter 1925 about the international situation and foreign policy of the USSR’, in Sigimbaev, A. V. (ed.), *Germaniia na pereleme epokh (K 50-letiiu doktora istoricheskikh nauk Artamoshina Sergeia Viktorovicha)* [Germany at the turn of the eras (On the 50th anniversary of Doctor of Historical Sciences Artamoshin Sergei Viktorovich)], RISO BSU, Bryansk, Russia: 247—283.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

В. Л. Черноперов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

V. L. Chernoperov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.